

Испанская юстиция: политика, коррупция, право

Александр Орлов
Елена Орлова

В журнале «Обозреватель-Observer» (2010 г.) была опубликована статья А.А. Орлова «Испанское правосудие в тупике»¹, в которой говорилось о, пожалуй, самом известном и ярком представителе судебного корпуса Испании – Бальтасаре Гарсоне, ставшем объектом судебной расправы в собственной стране.

Высшие инстанции испанской судебной машины, укомплектованные несравнимо менее заметными, чем Гарсон, личностями, малоизвестными широкой общественности, «избавили» национальную правоохранительную систему от того, кто был ее олицетворением на родине и в мире.

В настоящей статье, которую можно рассматривать как продолжение предыдущей, излагаются оценки, данные самим Гарсоном событиям, приведшим к потере им судебного статуса, показаны проблемы и противоречия, традиционно существующие в испанской судебной системе, которые только обострились в последние годы.

Гарсон больше не судья

Предыдущий наш рассказ о судьбе Верховного суда Испании Лусиано Б.Гарсоне завершился тем, что Варела, которого вполне можно назвать его преследователь – судья граждать эпитетом «пресловутый», от

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – профессор МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* ORLOV_A@mgimo.ru

ОРЛОВА Елена Владимировна – доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор права Испании. *E-mail:* e.orlova@mail.ru

Ключевые слова: Гарсон, Испания, коррупция, Генеральный совет судебной власти, «дело Портель», франкизм, Закон об амнистии, Закон об исторической памяти.

крыл в мае 2010 г. судебное производство против Гарсона, далее незамедлительно последовал пленум Генерального совета судебной власти Испании, по решению которого герой нашего повествования был временно отстранен от исполнения своих обязанностей в качестве судьи Национальной аудиенции Испании*.

Этот день вполне можно охарактеризовать как черный в истории испанской юстиции. Колесо истории в этот момент будто сделало несколько оборотов вспять, вернув страну за Пиренеями в приснопамятную эпоху франкизма.

Запущенный процесс получил свое логическое продолжение 9 февраля 2012 г., когда Верховный суд Испании единогласно вынес решение о запрете Гарсону в течение 11 лет выполнять функции следственного судьи или члена суда и об окончательной потере им своего судебного поста за незаконное прослушивание в период расследования «Дела Пуртель».

Генеральный совет судебной власти Испании на своем пленуме (23 февраля 2012 г.) утвердил это решение, за которое высказались 20 из 21 члена этого судебного органа. Это означало, что «приговор» Бальтасару Гарсону окончательно и бесповоротно вступил в силу. Тем самым была поставлена жирная точка, завершавшая блестящую судебную карьеру того, кто в течение двух десятилетий был маяком испанского правосудия, но, видимо, и объектом за-

висти и даже ненависти со стороны части своих коллег, а также влиятельных политических сил в Испании.

В мае 2012 г. Ассоциация европейских судей за демократию и свободы (*Medel*), объединяющая порядка 15 тыс. судей и прокуроров из одиннадцати стран Европейского союза, направила в адрес министра юстиции Испании Альберто Руиса Гальярдона петицию с призывом вернуть Бальтасару Гарсону судебский статус, расценив решение о его отрешении от судебной деятельности как «непропорционально и чрезмерно суровое».

В свою очередь президент *Medel* Антонио Клуни заявил в интервью газете «Эль Паис», что «дело Гарсона» может создать прецедент для всего международного юридического сообщества, поскольку затрагивает свободу судьи на собственную интерпретацию того судебного случая, который он рассматривает².

Однако эта попытка европейских судей повлиять на решение испанских судебных инстанций не дала результатов и осталась без ответа. Да и рассчитывать на то, что за Гарсона вступится правительство, сформированное правоконсервативной Народной партией (НА), неоднократно обвинявшей его во враждебном отношении к себе, видимо, не приходится. Для этой партии Гарсон всегда был исключительно неудобен.

Чего стоит фраза основателя НА Мануэля Фраги, по-своему легендарной личности, про-

* Судебная инстанция, рассматривающая особо важные дела, включая деятельность террористических организаций. В России условным аналогом Национальной аудиенции Испании является Следственный комитет.

шедшего долгий путь от франкистского министра до влиятельной фигуры демократической Испании. Он как-то сказал: «Чем дальше Гар-

сон от Испании, тем лучше»³. Эта установка не сразу, а по прошествии нескольких лет фактически была выполнена.

Оценки Гарсоном обвинений против него

Столкнувшись с откровенно ангажированным против него правосудием в собственной стране, Б.Гарсон постарался реализовать свое право на защиту, дав ряд интервью и опубликовав несколько статей и книг.

В них он подробно изложил свою позицию, по сути, обвинений в свой адрес, раскрыв скрытые пружины давления на судей.

Что касается собственного случая, то он расценивает его как «намерение покончить с гражданином и его жизненной траекторией в качестве судьи». В этой связи он даже указывает конкретную дату, которая стала определяющей для его дальнейшей судьбы: это день, когда достоянием гласности стало «дело Пюртель» – деятельность одной из сетей организованной преступности, связанной, в частности, с такими преступлениями, как незаконное объединение, отмывание капиталов, налоговые преступления и использование своего положения в государственных органах для оказания необходимого влияния («трафик влияния»).

Речь шла об одной из наиболее мощных сетей коррупции, когда-либо вскрытых в Испании, в которой, предположительно, участвовали предприниматели, политические деятели и властные структуры, связанные с Народной партией или входящие в нее, ангажированные адвокаты, использовались предприятия и

фирмы, расположенные или зарегистрированные в различных автономных сообществах Испании и даже за рубежом.

Как только Гарсон начал «наступать на пятки» участникам сети, против него, как он пишет, стал использоваться «классический инструментарий действий, направленных против судьи и связанных с задействованием прокуратуры, полиции и всего прочего, что связано с расследованием, чтобы не допустить раскрытия дела и, если получится, вовсе его развалить».

Противники Гарсона, по его словам, не отказывались ни от одного из нижеследующих приемов («ингредиентов»): «расследовалась деятельность судьи, фабриковались досье о его личной жизни, о местах, где он бывал, о том, чем он занимался в свободное время, о его поездках, о том, куда он направлялся с семьей и с друзьями, с кем поддерживал отношения, о его увлечениях, сочинялись предположения о его заговорах, о том, что он в своих действиях пристрастен, что он обслуживал интересы правительства (в тот период правительства социалистов. – Авт.), направлялись изобличающие его заявления в Генеральный совет судебной власти и жалобы в Верховный суд. <...> Все это делалось с целью поставить под сомнение беспристрастность расследования»³.

Гарсон считает, что антикоррупционное «дело Пюртель» стоит в одном

ряду с операцией «чистые руки», проведенной в 90-е годы в Италии.

Тогда «миланский антимафиозный пул» (выражение Гарсона. – Авт.) начал расследование деятельности мощного криминального сообщества в Италии, объединявшего широкий спектр влиятельных лиц – крупных политиков, бизнесменов, а также обслуживавших их интересы представителей правоохранительной системы, СМИ и т. д.³

Несмотря на активное противодействие расследованию со стороны подозреваемых, через какое-то время начал срабатывать эффект домино – один за другим «посыпались» знаковые фигуры преступной по своей сути корпорации. В ходе операции было арестовано порядка полутора тысяч бизнесменов, государственных чиновников и политических деятелей, привлечены к следствию 251 член парламента и четверо бывших премьер-министров. Перестали существовать все четыре политические партии, входившие в правительство в 1992 г., включая две прежде системообразующие партии итальянской политической системы – Христианско-демократическую и Социалистическую.

Как отмечает Гарсон, операция «чистые руки» «потрясла основы итальянской экономики и политики».

Самого же Гарсона вполне можно рассматривать в качестве испанского аналога лидера и инициатора операции «Хистые руки» Антонио Ди Пьетро, заместителя прокурора Милана, ставшего главной мишенью ответной кампании против него, организованной Сильвио Берлускони, которому – как это ни парадоксально – операция «Чистые руки» рас-

чистила путь те только в большую политику, но и к креслу премьер-министра. Против бригады Ди Пьетро применялся набор средств и методов дискредитации и борьбы, который потом будет использован и против Гарсона; даже самое мелкое и формальное нарушение, допущенное бригадой следователей, раздувалось контролируемой Берлускони прессой и лояльными ему политиками до небес, что имело целью посеять в обществе сомнения по поводу целей операции и скомпрометировать следователей.

В итоге этой кампании Ди Пьетро ушел в конце 1994 г. в отставку, начав позже политическую карьеру. Одним из пропагандистских приемов, использовавшихся против Ди Пьетро и его товарищей, было обвинение их в членстве в «красном интернационале» судей, в котором, как пишет Гарсон, «значусь и я»³.

Заметим в этой связи, что тема «красных судей» не сдана в архив и весьма активно используется и до сих пор: в телевизионных новостях из Италии часто можно увидеть экзальтированных синьор, обвиняющих «красных судей» в преследовании их политического кумира Берлускони, который по сей день является фигурантом многих финансовых и бытовых скандалов. Попытки найти в борьбе с коррупцией и прочими правонарушениями псевдополитический подтекст, как хорошо известно, является широко распространенной практикой, которая касается не только Италии и Испании, но и многих других стран.

Несмотря на впечатляющие – на первый взгляд – успехи операции «Чистые руки» в Италии, Гарсон не

спешит обольщаться. Он считает, что в современном мире «не страшно быть коррупционером, потому что, даже если ты им будешь, тебя будут избирать, тебя будут восхвалять. Все направлено на то, пишет Гарсон, чтобы граждане смирились с тем, что борьба с коррупцией – это глупость, что плохим является судья, при этом часто задается вопрос: как он (судья) на это решился, почему он лезет в это дело?»³

Теперь более подробно остановимся на «деле Пуртель», стоившем Гарсону судейской карьеры.

Непосредственным поводом для вынесения Гарсону высшими судебными инстанциями Испании своеобразного «импичмента» явилась констатация ими того факта, что, дав команду записывать на пленку разговоры задержанных и содержащихся под стражей лиц с их адвокатами, Гарсон тем самым нарушил их право на защиту, их право не делать заявлений себе во вред и не признавать себя виновными.

Как констатировал судья Верховного суда Альберто Х. Баррейро в своем постановлении от 19 октября 2010 г., Гарсон «ошибочно» интерпретировал закон, предположив – без наличия убедительных оснований, а лишь основываясь на «чистой возможности», – что адвокаты действуют в качестве связных между членами коррупционной сети и внешним миром. Соответственно, по мнению Баррейро, действия Гарсона создавали условия для самооговора обвиняемых и разрушения любой стратегии защиты.

Сам Гарсон оценивает эту ситуацию и свои действия иначе. Он утверждает, что дал указание записы-

вать разговоры взятых под стражу, с согласия Генпрокуратуры, обвиняемых со своими адвокатами потому, что «были указания» на то, что они (обвиняемые) «могут использовать посторонних лиц в качестве связных для продолжения своей преступной деятельности и для того, чтобы организовать исчезновение имущества, находившегося за рубежом, именно в тот момент, когда мы просили другие страны блокировать это имущество».

В этих условиях, поясняет Гарсон, как раз он сам был вынужден принять меры для обеспечения надлежащего применения принципа права на защиту и, соответственно, права на формирование стратегии защиты. То есть, по его мнению, именно он «четко защитил и оградил отношения «адвокат – клиент» теми рамками, которые предполагает такая защита, не вторгаясь в право коммуникации заключенных с третьими лицами, но одновременно противодействуя таким действиям адвокатов, когда они, выходя за рамки защиты, могли действовать в качестве внешних связных и способствовать таким образом совершению новых преступных деяний или завершению скрытых деяний путем организации перемещения капиталов, прежде всего за рубежом, согласно приказам (преступной. – Авт.) сети лиц, заключенных под стражу»³.

Вопрос о том, нарушил или нет Гарсон принцип права на защиту, является ключевым элементом юридического спора, возникшего в связи с расследованием им «дела Пуртель».

Сам Гарсон считает, что обвинительное решение против него было

принято заранее и поэтому, по сути дела, является плодом предварительного сговора, а юридическое оформление этого решения представляется ему не более чем «фиктивной конструкцией», призванной это решение оправдать. Тем самым он настаивает на предвзятом к нему отношении со стороны испанской юстиции, фактически лишившей его самого законного права на защиту. В качестве подтверждения этого он ссылается на то, что многие его ходатайства просто не принимались к рассмотрению.

Сама тема законных пределов коммуникации адвоката с подзащитным, поднятая Гарсоном, является крайне важной и актуальной, требующей серьезного внимания и предметной проработки с участием ученых и практиков. Не вызывает сомнений право подзащитного и адвоката на конфиденциальное общение и выстраивание стратегии защиты.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что соблюдение адвокатской тайны остается одним из краеугольных камней любого судебного процесса, обеспечивающей его состязательный характер. Тем не менее факты того, что адвокат выполняет функцию некоего связного между заключенным и внешним миром, действительно, нередки. Здесь многое зависит от соблюдения адвокатом, помимо предписаний закона, этических норм (адвокатской этики), без чего сама эта профессия может потерять свой исконный смысл.

Гарсон прав в том, что если адвокат выходит за рамки своей функции, он, по сути, становится соучастником преступления, а в отдельных

случаях и даже его организатором (выражаясь языком испанских судей, мозгом преступной группы). Но все это нужно доказать. И в этом смысле позиция членов Генерального совета судебной власти Испании и судей Верховного суда, безусловно, имеет под собой почву. Но здесь на передний план выдвигается вопрос о соразмерности совершенного нарушения (или преступления) и наказания за него. Если необходимая в этом случае пропорция нарушена, то речь уже может идти не о наказании, а о расправе. В том, что касается «дела Гарсона», то весьма похоже на то, что, если даже у «карающей» инстанции были какие-то основания для применения против Гарсона мер воздействия, они не должны были быть за пределами суровыми.

Гарсон подчеркивает в этой связи, что отдельные лица, в том числе и в правоохранительной системе, а также определенные политические и экономические силы противодействуют борьбе с коррупцией, «стремятся сделать так, чтобы этот круг безнаказанности не был разорван».

«... Если коррупции не будет дан решительный бой, – отмечает Гарсон, – то возможна эволюция к очень опасным ситуациям внутри демократических систем. Потому что коррупция – это основа всех бедствий, которые поражают общество. «Криминальные организации ищут мутных, непрозрачных пространств, ищут зон, свободных от контроля, и если они их не находят, они проникают сквозь щели, чтобы добраться туда, куда они стремятся, чтобы подкупить тех, кто им нужен для осуществления своих целей, будь то подкуп муниципального советника, депута-

та, президента любой автономной области, партии, или для организации таких выборов, по результатам которых контракты затем будут распределены нужным образом и т.д.»³.

Другим резонансным делом, вызвавшим острую полемику между правым сегментом испанского общества и Б.Гарсоном, явилось стремление судьи расследовать преступления, совершенные франкистами в годы гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) и в последующий период их нахождения у власти.

Правые в Испании, заинтересованные в том, чтобы окончательно закрыть тему преступлений франкизма, обычно ссылаются на то, что в период демократического транзита в Испании в конце 70-х годов XX в. была достигнута негласная договоренность (что-то вроде джентльменского соглашения) между всеми участниками этого процесса (от коммунистов до цивилизованных франкистов) перевернуть эту страницу истории и обеспечить тем самым национальное примирение.

Примечательно, что ссылки на опыт национального примирения в постфранкистской Испании в конце 80-х – 90-х годах часто использовались в России в качестве примера того, как следует лечить долго не заживающие «раны истории». Юридическим обоснованием факта свершившегося национального примирения приверженцы тезиса о том, что не нужно «ворошить историю», считают Закон об амнистии 1977 г.

Тем не менее, как показывает жизнь, старые противоречия и «недосказанности» имеют тенденцию возвращаться на новом витке исторического развития, что произошло,

в частности, в Испании. В 2007 г. был принят Закон об исторической памяти, который наряду с ходатайствами родственников жертв франкизма явился основанием для расследований Гарсона.

В вопросе расследования и квалификации преступлений франкизма Гарсон отвергает любую возможность урегулирования этих вопросов на основе достижения «политических договоренностей» и компромиссов.

Как он отмечает, «эти преступления реально существуют и должны быть квалифицированы правосудием. Эту обязанность накладывают на государство, в частности, конвенции против пыток, о предотвращении геноцида или Международный пакт о гражданских и политических правах, которые я буду всегда защищать. У судьи не должно быть двойной морали, «...ты не можешь смотреть на то, что произошло вовне с одним настроением, а когда дело заходит об анализе того, что произошло в Испании, говорить: “Нет, здесь имел место (демократический. – Авт.) транзит и произошло примирение”»³.

Гарсон считает, что можно констатировать столкновение двух форм трактовки права: «та, которую исповедуют судьи Верховного суда – местечковая, закрытая, узкая, излишне позитивистская, негибкая и исключительно формалистская, ...и другая трактовка – интегрирующая в существующую реальность нормы испанского и международного права... перед лицом преступлений, которые имеют некоторые специфические характеристики, затрагивающие все человечество»³.

Сам Гарсон относит себя к приверженцам второй трактовки. «Поэтому я оказался в этой ситуации», – заключает он.

Гарсон считает, что его трактовка права соответствует тому, что «санкционировал Комитет по правам человека ООН, а именно что при определении правовых рамок, применимых к принятому к рассмотрению заявлению (жалобе), ...государства обязаны предпринять все необходимые меры для выяснения фактов и обстоятельств, что означает, что расследование должно быть начато властями, независимо от того, о чем испрашивается в формальном заявлении»³.

Продолжая полемику со своими оппонентами, Гарсон утверждает, что Закон об амнистии вообще не может служить основанием для того, чтобы окончательно сдать в архив преступления франкистов, поскольку «ни один закон об амнистии не может касаться преступлений против человечества», это устанавливают международные договоры. В свою очередь, принятая после закона об амнистии Конституция Испании «запрещает всякого рода амнистии по главным основаниям»³.

Тем самым Гарсон доказывает, что «в правовом плане нет ничего закрытого», поскольку – в испанском случае – «не было дано ответа на факты (совершенных преступлений. – Авт.) и в Испании вообще не существовала практика проведения расследований с подобными характеристиками».

Тезис своих оппонентов о том, что деяния франкистов времен Гражданской войны в Испании не подпадают под действие современных правовых норм, сформулированных и принятых позже событий возможных пре-

ступлений, Гарсон парирует тем, что «геноцид армян (в период Первой мировой войны. – Авт.) является гораздо более давним по времени событием, чем те факты, которые мы сегодня оцениваем, но он (геноцид)... был практически признан такими важными институтами, как конгресс США, Европарламент или Национальная ассамблея Франции»³.

Подводя итог, можно констатировать, что сам факт и примененная процедура лишения судебного статуса Бальтасара Гарсона породили цунами юридических и политических споров как в самой Испании, так и далеко за ее пределами, которые едва ли утихнут в ближайшее время. Более того, вполне можно прогнозировать, что «дело Гарсона» составит отдельную главу в истории современной юриспруденции, которая вряд ли оставит равнодушными поколения молодых юристов, традиционно заряженных на поиск и достижение справедливости и законности.

Гарсон убежден, что, борясь с ним, «пытаются покончить с вполне определенной моделью судьи», которую он в известной мере олицетворяет. «За независимость всегда... приходится расплачиваться. Ты становишься неудобным, все могут тобой восхищаться, но никто тебя за это не любит»³. Гарсон твердо стоит на том, что судья имеет право на собственную трактовку юридических норм, и отвергает практику их трактовки сверху, «без права судьи задавать вопросы и свободы обсуждения». «Это очень опасно для демократии, для независимости судебной власти и поэтому для правового государства», – ставит он жирную точку³.

А судьи кто?

Лейтмотивом антигарсоновской кампании, завершившейся его отрешением от должности, была борьба за чистоту судейских рядов, независимо от регалий и заслуг провинившегося судьи. Во всяком случае, так это подавалось испанской и международной общественности. Хотя многим было с самого начала ясно, что за благозвучным фасадом скрывалась борьба с неугодным и даже опасным для определенных кругов в испанском политическом, экономическом и юридическом истеблишменте судей.

Однако те негативные явления, с которыми вел бескомпромиссную борьбу современный испанский Дон Кихот, вовсе не канули в Лету в связи с его «формальной нейтрализацией». Как часто бывает, многое расставила по своим местам сама жизнь.

Председатель Генерального совета судебной власти (ГССВ) 70-летний Карлос Дивар был вынужден в июне 2012 г. с позором уйти в отставку, будучи уличенным в 32 случаях (как минимум) нецелевого использования государственных средств (в основном на собственный отдых в сопровождении обычно до семи охранников). Пытаясь оправдаться, он утверждал, что стал «жертвой жестокой и непропорциональной (содеянному) кампании». Однако в этом случае возникает вопрос: почему К. Дивар считает, что кампания против него была жестокой и непропорциональной, а еще более жестокая кампания против Гарсона – это проявление принципиальности и ответственно-го подхода судей?

Двойные стандарты всегда рельефно проявляются тогда, когда срав-

ниваемые факты видны как на ладони. Коллеги Дивара расценили его поступок как «наносящий ущерб престижу института» (ГССВ). Сам же Дивар стал первым в истории председателем Генерального совета судебной власти Испании, вынужденным уйти в отставку по требованию членов этого совета, которые и избрали его на этот пост тремя годами ранее⁴.

Тесную связь политики и юриспруденции в Испании подтвердил другой весьма симптоматичный случай.

В июле 2013 г. в СМИ просочились сведения о том, что председатель Конституционного суда Испании Франсиско Перес де лос Кобос являлся на момент вступления в эту должность членом консервативной Народной партии, информацию о чем он утаил при рассмотрении его кандидатуры в сенате – одной из двух палат испанских Кортесов. Более того, он, видимо, был членом этой партии не менее 20 лет и, скорее всего, на данном этапе просто заморозил в ней членство, что выражается в приостановке уплаты членских взносов⁵.

Возможно, кому-то это может показаться незначительным событием. Однако для Испании, где нет устойчивого преимущества в политической борьбе между правыми и левыми силами, подобные нюансы могут играть существенную роль. Стоит отметить, что с франкистских времен в высшем эшелоне судебных инстанций Испании традиционно доминируют приверженцы правой Народной партии, что наглядно проявилось при рассмотрении «дела Гарсона».

Несмотря на то что Народная партия задействовала весь свой мощный политический, экономический и пропагандистский потенциал, а также своих людей в различных сегментах испанской правовой системы, чтобы закрыть «дело Гортель», расследование по которому было начато, но не завершено Гарсоном, сдать его в архив так и не удалось. Более того, «дело Гортель» с начала 2013 г. переросло в еще более громкое «дело Барсенаса».

Луис Барсенас в течение более чем двух десятилетий был казначеем Народной партии, контролируя все ее денежные потоки. Предпочитая особо «не светиться» на публике и в СМИ, он тем не менее являлся одним из наиболее влиятельных теневых руководителей НА, входя в узкий круг доверенных лиц лидеров партии – Хосе Мария Аснара и Мариано Рахой. Неприятности у Барсенаса начались в период расследования «дела Гортель», когда было выявлено, что он пользовался средствами из теневой бухгалтерии («касса Б») преступной сети. В апреле 2010 г. Барсенас был вынужден оставить пост казначея Народной партии и отказаться от должности сенатора⁶.

Новый виток скандала начался с публикаций в газете «Эль Паис» (январь 2013 г.), сделанных рукой Барсенаса записей «черной» бухгалтерии Народной партии, где содержались сведения о тайных пожертвованиях предпринимателей в её казну, которые потом в «конвертах» частично шли на оплату руководства партии. Причем, как выяснилось, такая практика существовала по меньшей мере в течение 20 лет.

Барсенас и НА, естественно, принялись отрицать достоверность этих документов, говоря о том, что речь идет о «копиях с копий», пока в начале июля в другой влиятельной испанской газете, «Эль Мундо», не были опубликованы уже оригиналы некоторых из этих документов. Барсенас же был взят под стражу и помещен в тюрьму.

Оказавшись там, куда он – даже в самом страшном сне – не думал попасть, и посчитав, что его однопартийцы, возглавляющие ныне правительство Испании, ничего не сделали для его спасения, Барсенас сменил тактику и пошел на сотрудничество с правосудием, кардинально изменив свои первоначальные показания и признав наличие в Народной партии двойной бухгалтерии. Однако руководство Народной партии, в том числе ее лидер М.Рахой, являющийся одновременно главой правительства Испании, продолжают решительно отрицать достоверность слов Барсенаса, фактически обвиняя его во лжи. При этом руководство НА санкционировало разрушение жестких дисков компьютеров Барсенаса, находившихся в его кабинете в штаб-квартире Народной партии, якобы в целях обеспечения «информационной безопасности», что, естественно, только усиливает подозрения следствия в том, что функционерам НА есть что скрывать.

М.Рахой уже несколько раз публично, в том числе в стенах Генеральных кортесов Испании, открестился от Барсенаса. В середине сентября прокуратура отказала Барсенасу во временном освобождении под залог, посчитав, что он может скрыться за границу и уничтожить доказательства.

Такое развитие событий дает все основания предположить, что уже скоро можно ожидать новых шумных разоблачений.

В свою очередь, оппозиционные партии (ИСРП, Объединенные левые) настаивают на вынесении «порицания» главе правительства М.Рахой, который, как они считают, солгал во время своего выступления в конгрессе депутатов (нижняя палата парламента) в августе 2013 г.

Сошлемся на передовицу в газете «Эль Паис», где говорилось следующее: «Правящая партия отказалась давать объяснения в связи с наличием доказательств и признаков ее незаконной деятельности. Но политическая оппозиция хочет знать, получали ли Рахой и его сподвижники дополнительные выплаты и не солгал ли глава правительства, отрицая это. Общество, по горло сытое политической коррупцией, должно немедленно узнать правду, и решительно на этом настаивает»⁷.

Пока трудно делать прогнозы, и тем более выводы, чем может закончиться «дело Барсенаса». Не следует исключать и такого сюжета, что развитие событий пойдет в русле итальянской операции «Чистые руки». Во всяком случае, определенные параллели в этих двух примерах политической коррупции налицо. Другое дело, что Народная партия в Испании располагает на данном этапе, по сути, неограниченными ресурсами политического (и не только) давления.

Как отмечают многие аналитики, такой власти, которой обладает сегодня Народная партия, не было ни у одной политической силы в Испании за весь постфранкистский пери-

од. Она контролирует обе палаты Генеральных кортесов, подавляющее большинство автономных сообществ, в ее руках находится вся исполнительная власть и правоохранительная система страны. Тем не менее эффект «дела Барсенаса» наряду с неубедительным руководством экономики, видимо, начинает постепенно работать. Во всяком случае, по итогам опросов общественного мнения за сентябрь 2013 г., Народная партия уже немного уступает в рейтинге популярности Испанской социалистической рабочей партии, которую она буквально разгромила на общенациональных парламентских выборах (ноябрь 2011 г.).

И последнее. Дело о преступлениях франкистов, которым занимался Гарсон и которое, как казалось, было благополучно закрыто испанским правосудием, возвращается в Испанию из-за рубежа.

В сентябре 2013 г. аргентинский судья Мария Сервини де Кубрия в рамках расследования де заявлениям жертв франкистских репрессий, открытом в Аргентине, выдала международный ордер на арест четверых сотрудников испанской полиции времен Франко. В этом случае судья Сервини, исходя из критериев универсальной юстиции, действует по аналогии с тем, как действовал испанский судья Бальтасар Гарсон, проводивший расследование преступлений диктаторских режимов в Аргентине (1976–1983 гг.) и Чили (1973–1990 гг.). Как известно, в рамках последнего по ордеру Гарсона от октября 1998 г. в Лондоне был задержан бывший чилийский диктатор Аугусто Пиночет.

Гарсон прокомментировал решение судьи Сервини следующим образом: «Я очень рад за жертв франкизма, потому что впервые за много лет полного их игнорирования они получают толику признания. И я удовлет-

ворен тем, что судья квалифицировал эти действия как преступления против человечества, чем они действительно являются и во что я всегда верил, потому что дело касается 150 тысяч пропавших без вести...»⁸.

В своей книге Гарсон пишет, что «сегодня в Испании ведется жесткая и решительная борьба с коррупцией. Антикоррупционная прокуратура действует безапелляционно, и также эффективно работает правовая система».

Как представляется, с этими словами пламенного судьи едва ли можно согласиться в полной мере. Тем не менее вера в справедливость правосудия, в честность и неподкупность ее служителей – это вера в то, что добро всегда должно побеждать зло.

Может быть, сегодня это звучит несколько наивно. Но так должно быть!

Примечания

¹ Орлов А.А. Испанское правосудие в тупике: О «деле» судьи Бальтасара Гарсона // Обозреватель-Observer. 2010. № 6.

² Jueces europeos piden el indulto para Garzón por la desproporción de la pena // El País. 19 de mayo de 2012.

³ Garzón B. La fuerza de la razón. Barcelona, 2011. С. 140, 132–133, 149, 150, 152, 153, 154–155, 113, 118–119, 128, 130, 114, 145, 110.

⁴ Dívar dimite: 'He sido víctima de una campaña cruel y desproporcionada' // URL: politica.elpais.com/politica/2012/06/21/actualidad/1340263648_089791.html

⁵ El presidente del Constitucional asesoró al PP desde 1992 // URL: politica.elpais.com/politica/2013/07/28/actualidad/1375035151_870364.html

⁶ Bárcenas y el otro poder del PP // URL: politica.elpais.com/politica/2013/07/09/actualidad/1373404034_581051.html

⁷ Chantaje al Estado // URL: elpais.com/elpais/2013/07/09/opinion/1373397499_493888.html

⁸ Garzón: 'Me apena que el franquismo se tenga que juzgar en Argentina' // URL: politica.elpais.com/politica/2013/09/19/actualidad/1379624301_702694.html